

ОТ ЗНАНИЯ К ПОНИМАНИЮ

Памяти Александра Александровича Зиновьева

23 мая 2007 г.

Толстых В.И.

Наше заседание посвящено памяти Александра Александровича Зиновьева, выдающегося мыслителя и гражданина. 10 мая на Новодевичьем кладбище был открыт памятник, красивый и точный по своему замыслу, что его друзья и поклонники оценили по достоинству. Но, конечно, лучше, чтобы Александр Александрович был бы сейчас здесь, и мы вместе с ним обсуждали проблему, которой посвящена его посмертная книга «Фактор понимания». Это проблема – одна из множества других, интересовавших Зиновьева.

Для клуба «Свободное слово» Зиновьев человек *свой*, давно и хорошо знакомый. В этом же зале, в 1991 г., произошла наша первая встреча с ним, в его отсутствие, когда он, высланный, находился за границей вместе с семьей. Говорили на тему «Советское общество и советский человек. Точка зрения Александра Зиновьева». Симптоматичен сам этот факт: ведь тогда под вопрос было поставлено само существование Советского Союза, и клуб обратился за советом именно к Александру Зиновьеву.

В 1993-м г. – что это был за год, вы помните – состоялась встреча с ним, во время его посещения Москвы, на Васильевской, 13, в конференц-зале Союза кинематографистов, на которой присутствовали многие из присутствующих здесь. И произошел многочасовой разговор, был жаркий спор, где Александр Александрович не отчитывался, а излагал свой взгляд и понимание происходящего в России. Разговор и спор освещены в нашем альманахе. А затем он выступил у нас с докладом, посвятив его идеологии будущего. Так что для нас и Клуба Александр Александрович – человек близкий, можно сказать, родной.

Лично я книгу «Фактор понимания» испещрил своими вопросами, вспомнил при этом своего давнего кумира — Александра Ивановича Герцена. В его тоже предсмертном произведении — «Письма к старому товарищу» — первое из писем посвящено как раз проблеме знания и понимания. И там сказано, что «знание и понимание не возьмешь никаким наскоком и переворотом». Просто нас бесит и душит сама медлительность и непредсказуемость исторического хода развития, и отсюда, по Герцену, тяга к насилию, ускорению самих событий, эта ненужная и вредная торопливость, мешающая и знанию, и пониманию. В то время как вся проблема заключается в объединении человеческих стремлений и деятельности, и в согласовании их для общего блага. Вот тогда проблема понимания и знания выступает своей конструктивной и продуктивной стороной.

Этим примером я хотел отметить уровень мыслительной постановки интересующей нас теоретического и жизненной проблемы, ибо совсем не случайно происходит историческая переключка двух замечательных мыслителей и граждан России, ни кем не спланированная, но столь знаменательная и показательная. Лично для меня важнейшим признаком социальной, гражданской высоты и значимости интеллектуала современной России является его интерес и посильное участие в судьбе и будущем нашей страны.

В качестве ведущих я пригласил, во-первых, Андрея Ильича Фурсова, много и успешно занимавшегося творчеством Зиновьева. Да и сама формула нашего обсуждения «От знания к пониманию» принадлежит не мне, а именно Андрею Ильичу. Так была озаглавлена большая его статья в Литературке. Во-вторых, я, признаюсь, начал искать второго ведущего, который бы знал Зиновьев и был бы связан с Московским университетом. Мне подсказали, и я попросил статью ведущим профессора МГУ Юрия Васильевича Ивлева, и он любезно согласился. Ему я и предоставляю первое слово.

ИВЛЕВ Ю.В.

Существуют логические критерии научности познания. Это одна из составляющих критериев научности. С логической точки зрения, сначала следует придать смыслы (значения) выражениям «знание» и «понимание». Лучший способ придания смыслов выражениям — связать с ними возможные понятия. Если этого сделать не удастся (в обычной речи выражения расплывчаты — их употребляют как попало), то следует договориться (вести номинальные определения). Иначе дискуссии не получится.

Далее следует сформулировать проблему. Что надо решать? При этом потребуются переопределение выражений, так как определение должно быть целесообразным, то есть предназначенным для решения поставленной проблемы; определение должно быть эффективным, то есть должен быть указан способ распознавания признаков, указанных в определяющем выражении.

Смыслы слова «знание»: (1-й) знание — суждение, концепция, решение, в истинности или правильности которого есть убеждение или мнение, или предположение, что данное положение может быть обосновано; (2-й) знание — это то, что полностью обосновано (доказано логически или фактуально).

Смыслы слова «понимание». Понимать (что-то) — значит знать и понимать, о чем идет речь. Если дано предположение, то для его понимания достаточно знать значения выражений, входящих в него. Это относится и к выражению «знание и понимание». Поскольку указать объекты, являющиеся значениями этих выражений нельзя, нужно, по крайней мере, привести примеры знания и понимания.

Пример. Россия стремится в ВТО. Это известно. Это выражение понятно. Мы это знаем и понимаем. При этом понимать способ обоснования положения — это знать, что посылки (аргументы) обоснованы и каждый переход от посылок к заключению правильный. Надо иметь аргументацию положения. Скажем, не всем известно, зачем идти в ВТО. Обычно не приводятся аргументы относительно выгодных и невыгодных последствий вступления в ВТО. Нет аргументации. Положение может быть аргументировано, даже доказано, но убеждения в его истинности может и не быть. Например, известные философы знали доказательство теоремы Пифагора, но убеждения в истинности утверждения теоремы у них не было.

Понимать — значит иметь убеждение в правильности (истинности, целесообразности и т.д.) положения. Иначе говоря, иметь объяснение правильности положения, объяснение явления и т.д. или иметь иллюстрацию (наглядность). Однако убеждения без аргументации недостаточно. Пример. Леонардо да Винчи пишет: «297. Здесь сделано будет заключение, что то, что светит у луны, есть вода, подобная воде наших морей и так же разлитая; и что то, что у неё не светит, суть острова и суша. 298. Луна собственного света не имеет, и лишь постольку, поскольку солнце ее видит, постольку оно делает ее светлой, и этой светлости видим мы столько, сколько светлости видит она у нас. И ночь ее получает столько блеска, сколько доставляют ей наши воды, отбрасывая отображение солнца, которое отражается во всех водах, видных солнцу и луне.

Покров, или, вернее, поверхность воды, из которой образуется море луны и море нашей земли, всегда испещрен складками, мало или много, больше или меньше, и складки эти являются причиной распространения бесчисленных образов солнца, отраженных на буграх и впадинах, на боковых и передних сторонах бесчисленных складок, т.е. во стольких различных местах каждой складки, сколько есть разных мест у наблюдающих их глаз. Это произойти не могло бы, если бы сфера воды, покрывающая луну, в значительной ее части была бы гладко закругленной, ибо тогда отображение солнца было бы для каждого глаза одним, и отражение было бы обособленным, и блеск всегда был бы шаровидным, как это ясно показывают золоченые шары на вершинах высоких зданий. Но если бы такие золоченые шары были морщинисты и состояли из мелких шаров, как тувовые ягоды, — черные плоды, состоящие из мелких круглых шариков, — тогда каждая из частей этого шара, видимая солнцу и глазу. Явила бы блеск, произведенный отражением солнца, и так в одном и том же теле видны были бы многие мельчайшие солнца, часто из-за большого расстояния соединяющиеся и кажущиеся слитными» [*Леонардо да Винчи*. Избр. произведения. Т. 1. СПб.—М., 1999. С. 228—229]. Однако, есть аргументация, и есть убеждение, к чему следует стремиться. В этом смысле говорит о понимании А.А.Зиновьев.

Все эти смыслы не единственные. Они выделены в аспекте сформулированной ниже проблемы. Для решения других проблем следует выделять другие смыслы. То есть можно употреблять слова «знание» и «понимание» соответственно как «положение, которое может быть обосновано» и как «положение, которое обосновано, и в этом есть убеждение».

Как сформулировать проблему «От знания к пониманию»?

Общая проблема: каков механизм перехода от положения, которое может быть обосновано, к положению, которое обосновано и в правильности (истинности, целесообразности и т.д.) которого есть убеждение?

Частные проблемы: как обосновать данное положение и выработать убеждение (собственное убеждение или убедить других) в его правильности?

Может ли быть книга А.А. Зиновьева «Фактор понимания» руководством в решении этих проблем?

— Только отчасти.

— Почему?

— А.А.Зиновьев — человек выдающийся. Он руководствовался не только предлагаемой им методологией, но и интуицией. Большинство людей — ремесленники. Им нужны технологии решения проблем.

Так что нужно разработать примерные технологии перехода от знания к пониманию, а потом каждый разработает на основе этих примерных технологий собственные технологии.

Фурсов А.И.

Не буду повторять то, что уже сам написал об Александре Александровиче Зиновьеве в статье «Великий вопрекист» (опубликовано в книге «Феномен Зиновьева», газетный вариант — в «Завтра»). Предыдущий выступавший говорил о соотношении знания и понимания, поэтому я не буду долго останавливаться на этом вопросе. Разумеется, знание невозможно без понимания, и наоборот. Тем не менее, это разные вещи. Например, древние считали, что Солнце вращается вокруг Земли, и эмпирические данные наблюдения это подтверждали. Но это было ошибочное знание.

Пример другого рода: древнеегипетские и вавилонские жрецы эмпирически знали, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, но им не приходило в голову теоретически доказывать это, как это сделал Пифагор. Можно сказать, что понимание — это *знание причин*, и если речь идёт о сложных явлениях, то это всегда *теоретическое знание*.

Хочу поговорить о соотношении знания и понимания в науке об обществе и связанной с ней частью образования. Отставание знания от понимания — обычная вещь, норма. У Т.Куна есть такое понятие — «нормальная наука», т.е. наука, которая решает головоломки, но не видит тайн. Речь идёт о знании в рамках заданного, а потому не совершенствующегося понимания. Повторю: отставание понимания от знания — норма. Вопрос в том, отставание на сколько, на какой срок является нормальным? Разумеется, определение разрыва между пониманием и знанием будет носить в определённой степени импрессионистский характер. И всё же, работая, с одной стороны в Институте научной информации по общественным наукам РАН, т.е. анализируя мировые научные информпотоки, и в то же время работая в других научных и образовательных учреждениях, рискну утверждать о наличии у нас разрыва, во-первых, между научно-информационной средой обитания среднего научного сотрудника и преподавателя и мировым информпотоком; во-вторых, между знанием и пониманием, приблизительно в 20–30 лет. Это очень много. А если учесть, что именно за эти 20–30 лет произошёл *качественный сдвиг* в развитии мировой системы, то это катастрофически много.

Причин отставания несколько. Первая очевидна — мир меняется быстрее, чем мы успеваем это фиксировать и описывать (не говоря уже о том, чтобы объяснять). Крушение коммунизма, распад СССР, хаотизация мировой системы под маской монополярного мира, ослабление и/или упадок нации-государства и среднего класса, кризис привычных форм социокультурной идентичности, рост экономической поляризации, криминализация, неоварваризация и неорархаизация ряда сегментов мировой системы в целом и нашей страны в частности — от всего этого, действительно, можно погрузиться в непонимание.

Во-вторых, это катастрофа 1990-х гг., которая произвела разруху не только в экономике, но и в головах. Мало того, что большинство учёных не было готово к такому варианту развития страны, к нам хлынул мутный поток западных дисциплин — социологии, политологии, которые, переживая кризис у себя на Западе, потекли к нам, найдя здесь благоприятную почву, удобряемую грантами. Результат — формирование имитационного обществознания компрадорского типа, принципиально неспособного исследовать ни Россию, ни мир, рисуящего такие картинки реальности, которые устраивают властных заказчиков и грантодателей.

В-третьих, кризис прогрессистских идеологий либерализма и марксизма, подрывающий не только эти идеологии, но и всю геокультуру Просвещения.

В-четвёртых, детеретизация знания, совпавшая, с одной стороны, с враждебным любой теории постмодернизмом, с другой, с превращением информационных факторов производства в решающие в самом материальном производстве, а следовательно подлежащие отчуждению. Отчуждение информационных (духовных) факторов производства, монополия на них в сфере науки об обществе проявляется в настороженном отношении власти к теории.

В-пятых, в обществе, называемом «информационным», «постиндустриальным» и т.п., возможности власти и корпораций манипулировать общественным сознанием, интеллектуальной сферой, превращая часть интеллигенции в медиаинтеллектуалов и культурбуржуазию, резко увеличиваются. Главная цель манипуляции — затруднить понимание происходящего, возможность представить цельную картину реальности, подменив её суммой разнокалиберных и плохо сочетаемых частных.

Особо стоит сказать о таком факторе, как неадекватность современной дисциплинарной сетки наук об обществе нынешним социальным процессам. Современное обществознание оформилось в

1830—1930-е гг. как наука об определённом типе общества — буржуазном, североатлантическом ядре капиталистической системы. Как понятийное и дисциплинарное отражение этого типа общества и для его исследования. В буржуазном обществе власть отделена от собственности; социум довольно чётко разделен на экономическую («рынок»), социальную («гражданское общество») и политическую («политика», «государство») сферы. Соответственно этим сферам и для их анализа оформились экономика (базовая единица исследования — рынок), социология (базовая единица исследования — гражданское общество) и политическая наука (базовые единицы — политическая сфера, государство).

Вплоть до конца 1960-х гг. эта дисциплинарная сетка, её науки, их методологии и понятийный аппарат в целом удовлетворительно описывала и объясняла мир. Хотя XX в. преподнёс ей три сюрприза, которые она не только не смогла предвидеть, но и толком объяснить: коммунизм, фашизм и национально-освободительное движение. В послевоенный период со всем этим внешне справились, кое-как залатав концептуальные прорехи с помощью теорий «традиционного общества», «модернизации» и «тоталитаризма». Однако последняя треть XX в. принесла новые сюрпризы — глобализация, исламский фундаментализм, крах коммунизма и распад СССР, качественные изменения в капиталистической системе, связанные с научно-технической революцией, укреплением и выходом на первый план корпоратократии — молодой и хищной фракции мировой буржуазии и ряд других процессов.

Суть этих процессов заключалась в том, что базовые единицы исследования, по поводу которых социология и политическая наука конституировались как дисциплины, начали деформироваться, слабеть, таять. На Западе написано много работ об упадке нации-государства, о вытеснении политики комбинацией административной системы и шоу-бизнеса, об ослаблении гражданского общества. Иными словами, даже буржуазная реальность во всё меньшей степени помещалась в рамки конвенциональной науки об обществе (не случайно уже в 1970-е гг. делаются попытки создать если не альтернативные дисциплины, то по крайней мере новые эпистемологические поля — мир-системный анализ И.Валлерстайна, теории М.Фуко, Э.Саида, Р.Гухи и др.). А что же говорить о *небуржуазной* реальности — докапиталистических и антикапиталистических обществах? Как с помощью конвенциональной науки, созданной для анализа такой социальной системы, где власть и собственность обособлены, исследовать системы, где социальное господство ещё не обособилось на

власть и собственность? Как быть с изучением обществ, где религия и политика, если пользоваться европейскими терминами, не выделены из некоего целого?

Например, мы часто слышим, что ислам — это недифференцированное единство религии и политики. Но если это недифференцированное единство, то откуда мы знаем, что это религия и политика? Получается, мы наблюдаем нечто, некую субстанцию, которая — с нашей точки зрения — функционирует как религия и политика и квалифицируем это нечто как единство, комбинацию и т.п. религии и политики. Это грубая логическая ошибка, причём двойная: во-первых, мы функцию отождествляем с субстанцией; во-вторых, саму эту субстанцию конструируем ошибочно — на западоцентричный манер.

Примеры неадекватного восприятия и концептуализации реальности посредством современной западоцентричной науки (которая по-своему демонстрирует не меньший разрыв между знанием и пониманием, чем советский истмат) можно множить. Сейчас имеет смысл взглянуть на то, какие попытки предпринимались в современной науке об обществе для сокращения разрыва между пониманием и знанием.

Прежде всего, междисциплинарные исследования. В этой сфере было достигнуто немало хороших результатов, однако у междисциплинарности (на практике это очень хорошо показывает история школы «Анналов») есть серьёзный ограничитель: как говорил один «любимец партии», из тысячи джонок не сделать одного броненосца, несколько разных дисциплин не превратить в нечто гомогенное, это всегда будет сумма с доминированием какой-то одной из дисциплин. Междисциплинарный анализ позволяет лучше, глубже понять части изучаемого целого, но не само целое. Попытки использовать междисциплинарный подход с применением дисциплин, отражающих реалии Запада, капитализма к незападным и некапиталистическим обществам, будь то традиционные азиатские общества или СССР, провалились. Здесь нужны не меж- и мультидисциплинарность, а дисциплина, адекватно отражающая объект исследования как целое. И если такой дисциплины нет, её надо создать. В противном случае междисциплинарность уводит в дурную бесконечность мелкотемья. То, что школа «Анналов» стартовала с широкомасштабных исследований целых эпох и регионов, а закончила структурами повседневности, социальной историей еды, праздников, жизни крестьян в одной, отдельно взятой деревне, весьма символично.

Вторым вариантом решения проблем, возникающих в результате разрыва между знанием и пониманием, стал (особенно с 1980-х гг.) уход в эмпирические исследования. Эдакая неоидиография, второе (и сильно

ухудшенное) издание ранкеанства. Ясно, однако, что это тупик: эмпирическое исследование не даёт понимания ни самого исследуемого объекта, ни тем более системы, элементом которой он является; я уже не говорю о принципиальной ограниченности любого индуктивного знания.

Положительным и по сути единственно возможным способом (методом) преодоления разрыва между знанием и пониманием может быть *опережающее понимание*. Именно это мы часто видим в работах А.А.Зиновьева.

Опережающее понимание — не роскошь, а способ выхода из тех трудностей, в которых мы оказались. Ведь по сути мы должны констатировать, что неадекватно понимаем и плохо знаем:

что такое Россия как социальный организм, русская история как процесс и структура;

как устроен, как работает современный мир, как он управляется мировой «железной пятой»;

как функционирует Россия в современном мире, каково её реальное место в нём.

Более того, в связи с этим мы ставим ложные вопросы, плуаем среди ложных проблем. Например, не так давно я участвовал в «круглом столе», посвящённом проблеме нынешней властной элите. Главным вопросом был: какая элита нужна России? Но разве это главный вопрос? Ведь ясно, какая нужна элита — компетентная, честная и т.д. Вопрос в другом: какая властная элита возможна в РФ, во-первых, на основе тех социально-экономических отношений, которые сложились в 1990-е гг.; во-вторых, в том «коридоре возможностей» мирового порядка, в котором существует РФ. Но в том-то и дело, что ни «во-первых», ни «во-вторых» реально у нас не исследуется.

Весьма важным аспектом проблемы «знание — понимание» является социально-психологический. Каков субъект разрыва между знанием и пониманием, если этот разрыв материализуется в определённых структурах, практиках, типах отношений. Я не случайно назвал А.А.Зиновьева «вопрекистом» — пришлось придумать такое слово. Любой человек, который ставит себе задачу социального понимания, хочет он того или нет, объективно вступает в тройной конфликт.

Во-первых, он вступает в конфликт со своей профессиональной средой как с коллективным социальным индивидом, и чем он профессиональнее, тем острее конфликт.

Во-вторых, в конфликт с существующей организацией знания: как правило, ему в ней тесно и, начиная разрабатывать альтернативные подходы понимания реальности, он приходит к необходимости создания альтернативных дисциплин и альтернативных организационных форм.

В-третьих, в той или иной форме «пониматель» вступает в конфликт с социальной системой. Настоящее социальное понимание, каков бы ни был его объект — древний Рим, ацтеки или Франция XIX в. — предполагает прежде всего адекватное понимание системы, в которой живёшь. Я не верю ни в аналитические возможности, ни в способности понимания тех, кто пишет работы о других странах и временах, но не способен понять и проанализировать современность своей страны, даже если он не является специалистом по ней. Без секретов своей системы нельзя понять чужие. Пониматель — это универсальная «думательная машина» (термин А.А.Зиновьева), ей не важен объект; здесь важен субъект, который способен превратить в объект понимания любой предмет, включая себя самого.

Ergo: необходимое условие для научного социального понимания — это вопрекизм как произвольная социальная позиция по отношению к любым социальным индивидам, структурам и институтам, внеположенным процессу познания как понимания, т.е. *познания конечных причин*, вспомнив Маркса, его фразу о том, что быть радикальным значит идти до конца — причём ясно, что «до конца» в двух смыслах). Это произвольная позиция по отношению к профессиональной среде как социальному индивиду, к оргформам наличного знания, к социальной системе. По сути это позиция субъекта, постоянной субъектности как жизненной стратегии — штука очень нелёгкая, и не случайно в фильме о нём Александр Александрович говорит, что никому не рекомендует повторять его жизнебытийный эксперимент. Иными словами, научное понимание — это не только проблема научной стратегии, выбора теории и т.д., это проблема выбора жизненной стратегии — жизни и судьбы.

МЕЖУЕВ В.М.

Я не считаю себя знатоком творчества Зиновьева — ни как логика, ни как социолога. Не был его учеником, соратником и даже близким другом, хотя в течение всего нашего знакомства мы хорошо относились друг к другу и не сказали друг о друге ни одного худого слова. Разумеется, читал многое из написанного им (хотя, конечно, далеко не все), но воспринимал его книги, честно говоря, не столько как науку, а как своего рода социологическую публицистику, написанную с присущим Зиновьеву умом и талантом. Как всякий истинно русский мыслитель, он мыслил не столько в строго систематической форме теоретического знания с ее понятийным языком, сколько в форме литературных образов, метафор, иносказаний и пр. Его язык